

Антология мировой политической мысли в 5 тт. Т.3.

Политическая мысль в России. X-первая половина XIX в.

Руководитель проекта — Г. Ю. СЕМИГИН

Заместитель руководителя проекта — Л. Н. АЛИСОВА Ответственный секретарь — В. С. БАЕВ Редакционно-научный совет: Председатель совета — Г. Ю. Семигин, доктор политических наук, действительный член Академии политической науки Заместитель председателя совета — В. А. Кулинченко, доктор философских наук, действительный член Академии политической науки Члены совета — Л. Н. Алисова, доктор политических наук, действительный член Академии политической науки А. В. Дмитриев, доктор философских наук, член-корреспондент Российской Академии наук, президент Академии политической науки В. С. Комаровский, доктор философских наук, действительный член Академии политической науки Е. А. Тимофеев, кандидат философских наук, действительный член Академии политической науки.

Предисловие

В России период оформления политической науки начинается лишь во второй половине XIX в. С первой половины IX до середины XIX в. история российской политической мысли в значительной мере ограничена, как и в других странах, проблематикой государственного устройства: происхождение и пределы великокняжеской, а затем царской и, наконец, самодержавной власти, смысл понятия закона и роль закона в управлении государством, взаимоотношения государства и церкви и др.

Ряд объективных факторов повлиял на характер, уровень и специфику древнерусской государственности и политической мысли.

В IX в., когда Русь как государство выходит на политическую арену, в мировой истории стали созреть объективные предпосылки для перемещения центра мировой культуры и цивилизации из средиземноморского региона в Западную Европу, хотя та еще не играла доминирующей роли, в которой выступила впоследствии, и европейская культура еще не вполне сложилась как специфическая региональная разновидность мировой культуры, как цивилизация, более развитая сравнительно с другими. Этот грандиозный по своим последствиям поворот в мировой истории произойдет в XI — XII вв., но уже в IX в. вполне явным стал упадок Византийской империи, культура которой еще долгое время продолжала восхищать мир, равно как и культура арабского Востока.

Поскольку становление древнерусской культуры и цивилизации, в первую очередь государственности и политической мысли, происходило в тесной связи с византийской культурой и цивилизацией, необходимо иметь в виду, какой характер носило византийское влияние на Древнюю Русь. Здесь важно избегать крайностей, которые нередко имеют место в литературе. Одна из них состоит в том, что византийская культура и цивилизация представляла собой нечто качественно, принципиально отличное от современной ей культуры и цивилизации стран Западной Европы. Другая крайняя точка зрения (ее в свое время высказал Д. С. Лихачев) — Византия в географическом и культурном отношении была европейской страной, так что и Россия с самого начала была страной европейской и никогда «не боялась» европеизации.

На самом же деле Византия принадлежала к средиземноморской региональной цивилизации, предшествовавшей европейской. В этом смысле в византийской культуре,

разумеется, содержалось немало элементов, которые можно назвать протоевропейскими. Но во многих отношениях Византия развивалась существенно иным образом, чем страны, составившие впоследствии ареал европейской цивилизации и культуры. Так что Византия, несмотря на свои тесные связи с Русью, не могла передать ей такое культурное наследие, которое стало бы основанием для ее развития как вполне европейской страны. Тем более, что Русь, принимая христианство, заимствовала менее динамическую по сравнению с католической православную культуру из клонившейся к упадку Византии (частично через посредника—Болгарию).

К тому же условия существования и развития Древней Руси были гораздо менее благоприятными, чем в Западной Европе. Суровый климат сдерживал не только развитие материальных производительных сил, но и становление устойчивых форм государственности, а географическое соседство с агрессивными азиатскими государственными образованиями привело в конечном счете к двухсотпятидесятилетнему тюрко-монгольскому политическому господству на Руси. Так что не случайно Древняя Русь оказалась на периферии европейской культуры, став своего рода «европейским Китаем» (правда, не единственным на Европейском континенте); но ее нельзя назвать и евроазиатским государством, в котором специфически азиатские элементы играли бы роль, равнозначную с элементами типологически европейскими или сходными с европейскими, хотя и менее развитыми. Поэтому с первых веков существования Руси проблема европеизации многих сфер ее жизни и культуры, в том числе сферы политической мысли, приобрела жизненно важное, а подчас и определяющее значение. Этот процесс европеизации происходил порой очень сложно, но в целом он не приводил к эффекту отторжения европейского опыта, как это имело обычно место в типичных азиатских странах. В разные исторические периоды (выделенные по разным основаниям, они обозначаются как киевский, удельный и московский; домонгольский и монгольский и т. д.) европейский вектор развития Руси проявлялся неодинаково, но в той или иной форме проявлялся всегда.

По совокупности всех факторов русское общество и государство IV—XVII вв. постепенно поднималось на более высокий уровень культурно-цивилизационного и государственно-правового развития по сравнению со своими восточными соседями, в то же время существенно отставая от ушедших вперед более «старых» западноевропейских государств. В этих условиях на Руси IV—XVII вв. не могла сформироваться и существовать политическая мысль, вполне сопоставимая по уровню развития с наиболее зрелыми западноевропейскими политическими идеями и концепциями. Тем не менее в ней протекали политические процессы и возникали политические идеи, типологически сходные с западноевропейскими. Заметим при этом, что в отечественной литературе русское допетровское общество IV—XVII вв. часто называют древнерусским, хотя Европа IV в. — это уже конец раннего средневековья, а все средние века простираются вплоть до середины XVII в. Поэтому уточним здесь, что, оставаясь древней по своим формам государственного устройства, Русь пыталась заимствовать у Запада именно средневековые идеи и взгляды. Отсюда несовпадение в характеристиках общества как древнерусского и политической мысли как средневековой по своим типологическим признакам и общей направленности.

Качественно новый этап в развитии политической мысли в России начинается с XVIII в., с сознательных и целенаправленных действий Петра I по европеизации российской жизни. Идея заимствования западной культуры превращается в ведущую тенденцию для правящих кругов России. Западноевропейская культура становится постоянным и неустранимым фактором, все более активно воздействующим на развитие социального знания в стране и прежде всего в политической сфере.

В течение полутора веков в России постоянно изучают и переосмысливают западноевропейский политический опыт. В первые десятилетия XIX в. складывается отчетливо выраженное национальное самосознание. В его центре с тех пор и по

сегодняшний день находится проблема «Россия — Запад». После восстания декабристов в стране наступила реакция, которая надолго задержала развитие политического сознания. Лишь с середины XIX в. Россия, очнувшись от спячки, начинает форсированное движение по капиталистическому пути развития. Политическая мысль в этих условиях приобретает существенно новые свойства и оттенки, связанные с анализом возникающей и все более усложняющейся политической практики. Отображению этих процессов посвящен следующий, четвертый том «Антологии».

Теперь постараемся вкратце охарактеризовать отдельные периоды развития политической мысли в России.

В Древней Руси не было таких крупных апологетов теократии, как Аврелий Августин или Фома Аквинский, но ряд древнерусских церковных иерархов занимали теократическую позицию, как, например, патриарх Никон. Не появлялось на Руси и антитеократических трактатов, вроде трактата «Защитник мира» итальянца Марсилия Падуанского; но антитеократические идеи на Руси господствовали уже потому, что большинство русских мыслителей придерживались идеологии сильной великокняжеской власти, а впоследствии — самодержавия.

Гораздо медленнее, чем в Западной Европе, шла на Руси секуляризация политической мысли, ее освобождение от патронажа религии вообще, религиозной морали в частности. Здесь нет явных аналогий теориям Никколо Макиавелли, трактовавшего политику как самостоятельную сферу духовной деятельности, независимую от морали. Однако некоторые древнерусские мыслители (Ф. Карпов, И. Пересветов, А. Курбский и особенно писавший в России Ю. Крижанич) двигались по пути секуляризации политической мысли.

Слабое развитие на Руси получила и республиканская идея, тогда как на Западе уже в XV—XVI вв. не только появились сторонники республики, но даже возникли первое национальное государство-республика (Голландия) и первые республиканские партии под эгидой кальвинизма. Достаточно назвать имена Жана Бодена, Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Гуго Гречия, Самуэля Пуфендорфа и других западноевропейских политических мыслителей с их идеями антииерархизма, государственного суверенитета, частной и общественной собственности, естественного права, свободы человека и т. д., а также напомнить о политических теориях западноевропейских философов XVII в. Бенедикта Спинозы, Томаса Гоббса, Джона Локка и сопоставить эти имена с именами современных им русских мыслителей, чтобы скромно оценить уровень древнерусской политической мысли.

Лишь к концу XVII в. в России появились переводы более или менее солидных западноевропейских политико-исторических трактатов. В 1678 г. был сделан, в частности, перевод получившего широкую известность во всей Европе выдающегося политического трактата «Об исправлении государства» (1551) польского мыслителя Анджея Моджевского (1503—1572).

Публикуемые в первой части тома тексты далеко не полно отражают характер и уровень отечественной политической мысли не только в силу того, что не все ее свидетельства вошли в «Антологию» или даны в извлечениях. Некоторые важные для Древней Руси политические идеи не нашли адекватного отражения в письменных источниках, хотя имплицитно проявились в сфере политической практики. К примеру, идея самодержавия (которая первоначально наиболее отчетливо проявилась в Северо-Восточной, Суздальской, Руси, потому ее иногда называют «суздальской идеей») пронизывает множество древнерусских литературных памятников, а республиканская идея не имела солидного письменного оформления. Однако известно, что в средневековой практике таких городов, как Новгород и Псков, последняя играла значительную роль. Не получила, например, в источниках адекватного отражения прозападная ориентация брата Владимира I Святославича (?—1015) князя Ярополка Святославича (убит в 980 г.); старшего сына того же Владимира — Святополка (988—

1019), зятя и союзника польского короля Болеслава! (967—1025); старшего сына Ярослава Мудрого — Изяслава (1024—1078), искавшего помощи у германского императора, польского короля и римского папы. Известны и другие князья, в деятельности которых «западническая» идея играла существенную роль. Такие пробелы читатель «Антологии» должен учитывать.

Включенные в первую часть тексты дают возможность проследить формы, в которых зарождалась и функционировала русская средневековая политическая мысль: от политических идей, имплицитно содержащихся в образно-символических, аллегорических, легендарно-иносказательных и мифологических текстах, до сравнительно развитых концепций, выраженных на языке политических понятий.

В последнее время появились утверждения, согласно которым Древняя Русь — это особый тип цивилизации со свойственной только ему образной, символической, аллегорической системой мышления. На примере текстов, относящихся к истории политической мысли Древней Руси, легко показать, что в этих утверждениях содержится известная доля преувеличения. В образно-символических, аллегорических, легендарно-иносказательных, мифологических формах были выражены различные политические идеи (таковы, например, сказания об апостоле Андрее, о происхождении княжеской династии от римского императора Августа, о новгородском белом клобуке и др.). Но в Древней Руси политическая мысль выражалась во множестве случаев (международные и межкняжеские договоры, официальные послания светских властей, решения земских и церковных соборов и т. д.) и на дискурсивном, хотя, разумеется, отличном от современного, языке политических представлений, понятий, идей, концепций с использованием, правда, во многих случаях политической мифологии. Применительно к Древней Руси можно говорить о специфическом для нее политическом сознании, о своеобразии ее политической мысли, политической культуры и политической идеологии. До политических теорий в строгом смысле этого слова в Древней Руси дело не дошло, если не считать исключительного даже для русского XVII в. политического трактата Юрия Крижанича «Политика».

Какие основные идеи и концепции политической мысли Древней Руси IV—XVII вв. отражены в текстах, включенных в антологию?

Государство и церковь — два основных учреждения европейского средневекового общества. Естественно, что и в Древней Руси вопрос о взаимоотношении государства и церкви стоял в центре политической мысли. Общим источником размышлений на эту тему стали библейские тексты, в которых есть места, где утверждается божественное происхождение государственной власти и дается авторитетное обоснование идеям главенства светских государей над церковью, так называемой цезарепапистской идеологии, возобладавшей в Византии, а затем и на Руси; а также места, которые можно истолковать в смысле идеи главенства церкви над государством («священства» над «царством») и которые стали источником для теократических (папоцезаристских) идей на Руси.

В древний период зародились политические концепции, которые, эволюционируя, сохранили свою значимость вплоть до XX столетия. Именно тогда сформировалась и функционировала самобытная версия древнерусского христианского государства, генезис которого был увязан с происхождением династии Рюриковичей от римского императора Августа.

Поскольку Русь находилась сначала под формальным суверенитетом Византийской империи (будучи фактически независимой), а затем под тюрко-монгольским владычеством (чуть ли не на положении улуса Золотой Орды), в политической мысли Древней Руси особое место заняли темы церковно-государственной независимости, суверенности Русского государства, концепция государя-самодержца, т. е. государя, властвующего самостоятельно, единодержавно над всей подвластной ему Русской землей.

Традиционной для всей литературы Древней Руси стала тема идеального государя. Поднимались вопросы: должен ли государь быть грозным или кротким, может ли «царская гроза» сочетаться с христианскими добродетелями — праведностью, милосердием, справедливостью?

В публикуемых в первой части текстах, связанных с взаимоотношениями Москвы и Твери, отражается специфическая особенность становления на Руси идеи самодержавия: она формировалась в конкурентной борьбе нескольких политических центров и выражалась не только в «московской» форме.

Если в киевский период господствовала родовая идеология при обычной норме старшинства престолонаследия (хотя на практике родовой принцип престолонаследия часто нарушался), то в московский период произошел существенный пересмотр прежней родовой идеологии, что особенно ярко отразилось в политических взаимоотношениях московских и тверских князей.

Особенно сложные вопросы встали перед русской политической мыслью, когда прекратилась династия Рюриковичей (и Даниловичей, если считать московскую династию) и на престоле фактически или номинально оказывались выборные цари (Борис Годунов, Василий Шуйский, польский королевич Владислав, а затем первый Романов): непреодоленная средневековая идея богоизбранности царя оказывалась в неразрешимом противоречии с идеей выборности. С разных сторон обсуждался вопрос о пределах великокняжеской и царской власти, о возможностях избежать перерастания самодержавия в деспотизм и тиранию. Переписка А. Курбского с Иваном Грозным особенно показательна в этом отношении.

То есть авторы, которые в появлении любого органа или учреждения при русском государе усматривают своего рода ограничение его власти. Между тем политическая практика и соответствующие политические идеи не подтверждают данного мнения. На протяжении всей древнерусской истории высшие законодательные, исполнительные и судебные функции соединяли в своей деятельности великие князья и цари. Собственно в этом и проявлялось их самодержавие. По обычаю, а не по какому-либо закону, ограничивающему его власть, государь должен был советоваться с боярами, составлявшими Боярскую думу как постоянный совет при государе. Такой совет из бояр, епископов и городских старцев появился еще при Владимире I. В XIV — XV вв. в думы московских и удельных князей стали вводиться лица, ведающие отдельными частями княжеского хозяйства, а с XVI в. — дворяне, называвшиеся думными дворянами или думными дьяками. В принципе в Древней Руси компетенция, как бы мы сейчас сказали, государя и думы была общей, нераздельной, что выразилось в формуле «государь указал и бояре приговорили». Поскольку, однако, по мере упрочения на Руси самодержавия государи нередко игнорировали Боярскую думу, в политической мысли постоянно возникал вопрос о необходимости для них иметь при себе разумных советников.

В свое время историки славянофильского направления доказывали, что Древняя Русь жила не по «отвлеченному» праву, а по «правде». Читатель текстов антологии может убедиться в том, что эта точка зрения является по крайней мере односторонней. Тема «закона» и законности проходит через всю русскую мысль. Другое дело, что в тогдашнем теоцентристском мировоззрении исходным был закон божий, а гражданские законы были вторичными, подчиненными, смешанными с «божественными», и перед русской мыслью со временем встала задача разведения этих законов.

Из приводимых ниже текстов видна несостоятельность ссылок славянофилов на русскую историю в том смысле, что будто в Древней Руси народ управлял как бы сам собой, а государство, верховная часть выступали только его защитником от внешних и внутренних опасностей. Даже по одному договору 1399 г. между московским и тверским князьями видно, как начинался на Руси процесс формирования полицейского

государства, регулирующего все и вся в жизни общества. «Домострой» XVI в. стал концентрированным выражением установленных сверху средневековых правил поведения людей почти во всех сферах жизни древнерусского общества.

Ряд включенных в первую часть текстов демонстрируют процесс становления на Руси еще одной фундаментальной политической идеи—идеи великодержавности, которая прошла через всю последующую отечественную историю и отголоски которой слышны до сих пор.

Период с IX по XVII в. представляет собой нечто цельное, хотя и внутренне дифференцированное. Отечественная политическая мысль этого времени и хронологически, и типологически не выходит за рамки европейского средневековья. Новый этап в истории политической мысли в России, которому посвящена вторая часть тома, начинается на рубеже XVII—XVIII вв., с реформ Петра I.

Реформы Петра I привели к радикальным изменениям в обществе, помогли решить ряд важных внешнеполитических задач. При Петре I государство становится дворянским. Идеология дворянства, его экономические и политические интересы были сформулированы в работах Ф. Прокоповича, Ф. С. Салтыкова, А. Д. Кантемира, В. Н. Татищева, которые дали мощный толчок развитию общественной мысли в стране. Они ознакомили общество с идеями Гоббса, ранних просветителей.

Влияние европейских идей сказалось на обсуждении основных для России того времени политических проблем: крепостного права, самодержавной власти и религии. Во второй половине XVIII в. завершается создание огромного по своим размерам самодержавно-помещичьего государства. С этого времени начинается поляризация отечественной политико-правовой мысли.

При Петре I закладывались первые камни в будущее огромное здание официальной государственно-охранительной идеологии. Очень болезненно протекал процесс приспособления православной церкви к новым условиям частично европеизировавшейся страны: по отношению к реформам Петра в религиозной среде многие десятилетия фактически существовала политическая оппозиция, смыкавшаяся с оппозицией светской — консервативной боярско-аристократической. XVIII век — век зарождения в России также дворянско-«либеральной» (дворянско-просветительской) политической мысли, находившейся под влиянием идей западноевропейского Просвещения. Фактически в одиночестве оказался А. Н. Радищев, представлявший дворянскую революционность. Тем не менее он стал предтечей весьма влиятельной в 20-х годах XIX в. идеологии декабризма. С промышленно-торговым развитием России в XVIII в. связано зарождение политической идеологии третьего сословия, имевшей антидворянскую направленность (И. Т. Посошков).

Наиболее ярким представителем консервативно-аристократического подхода в политике явился князь М. М. Щербатов. Он ратовал за особое положение и привилегии дворянства, их дальнейшее расширение, подчеркивал незыблемость монархии и крепостного права.

Дворянско-просветительский подход к решению насущных политических проблем был характерен для таких крупных мыслителей России, как графы А. Р. Воронцов, Н. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова и др. Признавая невозможность и вредность радикального изменения существующих государственных органов власти, они были сторонниками постепенного реформирования общественной жизни, разумного сочетания прав и обязанностей всех сословий империи, просвещения народа. По их мнению, это привело бы к расширению и упрочению сложившихся форм власти и управления, к обнаружению новых резервов у самодержавнокрепостнического строя. Принципы дворянско-«либеральной», просветительской идеологии, особенно естественного права, активно использовались также для обоснования законности крепостничества и просвещенной монархии, просвещенного абсолютизма как идеала государственного устройства.

С некоторыми оговорками к этому дворянско-«либеральному» направлению политической мысли можно отнести и некоторые работы Екатерины II, которая, к примеру, в своем Манифесте по случаю вступления на престол заявила, что самовластие, не обузданное добром и человеколюбием, есть зло. При этом в своем знаменитом «Наказе» она подменила учение о разделении властей распределением функций между правительственными учреждениями. Резкое неприятие «Наказа» было высказано Д. Дидро и М. М. Щербатовым, которые с противоположных сторон подошли к оценке этого документа, имевшего в целом официальноохранительный смысл.

Дворянско-просветительское направление в русской политической мысли постепенно становится преобладающим к концу XVIII в. Для него характерно, в частности, обращение к теории договорного происхождения государства. В центре внимания дворянских просветителей находились идеи ограничения самодержавной власти и сословных привилегий, законодательного закрепления прав гражданина, поиски путей и способов влияния общественного мнения на действия власти. Предпринимались попытки продвинуться дальше теории общественного договора в понимании природы государства. В целом дворянские просветители были прозападно ориентированной частью образованного слоя русского общества, которая видела основной способ обновления России в приобщении ее к достижениям западной цивилизации.

Среди виднейших представителей дворянского просветительского направления, широко представленных во второй части тома,— Н. И. Новиков, Я. П. Козельский, С. Е. Десницкий и др.

Общим для сторонников этого направления было расхождение между их практической, повседневной жизнью и теоретическими рассуждениями. Помещик-«вольтерианец» — явление типично русское, необычное для европейской действительности и незнакомое ей.

Государственно-охранительная политическая мысль находила поддержку со стороны бюрократического аппарата, который предпринимал все усилия для сохранения и упрочения существующего строя. Особую озабоченность и страх в правящих кругах России вызвала Французская буржуазная революция, что привело к жестокому подавлению в 90-е годы в стране всяких проявлений вольномыслия, тем более политического.

Во второй части тома приведены сочинения ряда малоизвестных и забытых авторов. Форма изложения политических идей (мнения, рассуждения, слова, размышления и т. п.) в большинстве случаев отражает незавершенность и незрелость политических учений того времени.

Развитию политической мысли в России в первой половине XIX в. посвящена третья часть тома. С восшествием на престол Александра I (1801) в общественном сознании вновь воскресли надежды на благотворные перемены в стране, уставшей от произвола и капризов Павла I. Новый император начал с того, что отменил наиболее одиозные указы своего предшественника, предоставил незамедлительно некоторые свободы своим подданным. Было восстановлено право открывать частные типографии и печатать в них книги и журналы. Это привело к появлению в стране большого количества самой разнообразной периодической печати; отменялся запрет на ввоз из-за границы книг, был введен новый, «либеральный» по Я. М. Яковлеву устав; открылись новые университеты в Казани и Харькове, гимназии и уездные училища и т. д.

При императоре был создан Негласный комитет, где обсуждались, в частности, и вопросы дарования России конституции. «Дней Александровых прекрасное начало» (А. С. Пушкин) привело к тому, что дворянско-просветительское (дворянско-либеральное) мировоззрение вновь становится доминирующим, а консервативноохранительное временно отходит на второй план. И потому главной проблемой, оказавшейся в центре внимания политической мысли, вновь становится реформирование государственных органов власти.

Было продолжено обсуждение основных принципов и содержания естественного права, договорного происхождения государства. Философия права, ставящая вопросы соотношения естественного и позитивного права, целей и задач государства, продолжает выступать в те годы широко распространенной формой политического сознания. Именно в рамках философии права вырабатывается идеал правового порядка, идеал общественной справедливости, к достижению которого должно стремиться каждое государство. Наиболее значительными фигурами в вопросах теории здесь были А. П. Куницын и А. П. Лодий — профессора Петербургского университета.

Русские дворянские либералы первого десятилетия XIX в. не отличались таким радикализмом суждений, как их предшественник А. Н. Радищев, поскольку все общество жило грядущими и неизбежными переменами. Вместе с тем намечается постепенное расширение обсуждаемой политической проблематики, о чем свидетельствуют работы А. Ф. Бестужева, И. П. Пнина, В. В. Попугаева, В. Ф. Малиновского. Все больше проникает в общественное сознание мысль о необходимости принятия законов выборной законодательной властью. «Законоположение без участия законополагаемых, без совета их и представления бедственнее настоящего недостатка законов» (В. Ф. Малиновский).

Наряду с появлением новых тем в политических трактатах того времени углубляется и расширяется политическая практика, связанная с начавшимся при Александре I реформированием механизма государственной власти. В конкретизации реформаторских намерений императора большую роль сыграл М. М. Сперанский, который теоретически обосновал и разработал грандиозный проект обновления всего строя русской общественной жизни по заранее разработанному «полному плану». Сперанского можно отнести к государственным деятелям либерально-консервативного направления, которые шаг за шагом продвигали страну к конституционной монархии.

Записка З. М. Карамзина «О древней и новой России» (1811) поколебала реформаторские намерения императора. Возможно, что именно она сыграла роковую роль в судьбе Сперанского. Несмотря на резкую критику работы государственного аппарата, Карамзин — яркий представитель консервативно-охранительного направления в политической мысли того времени наряду с А. С. Шишковым, убежденный сторонник сохранения самодержавной власти. «Государь, — писал он, — единственный законодатель, единственный источник власти». Карамзин этих времен, вопреки некоторым сегодняшним представлениям, — полная противоположность Сперанскому, да и раннему, «либеральному» Карамзину начала века.

Состояние общественно-политической мысли в России после окончания Отечественной войны 1812 г. и особенно после возвращения русских войск из Западной Европы претерпевает серьезные изменения. В стране начинается реакция. Всеми делами управляет граф А. А. Аракчеев. О либеральных обещаниях Александра I и реформах забыто. Повсеместно начинаются гонения на вольномыслие. Особенно здесь отличились обскуранты Д. П. Рунич и М. Л. Магницкий, попечители учебных округов, устроившие ряд погромов в университетах. За ними стояла зловещая фигура князя А. Н. Голицына (1773—1844), вольтерянца при Екатерине II, друга Сперанского и, наконец, к началу 20-х годов ревностного сторонника реакции, обер-прокурора Святейшего Синода (с 1803), министра народного образования (1817—1824).

В ответ на репрессии в стране появляются тайные общества по образцу и подобию масонских лож. И те, и другие были запрещены в 1822 г.

Революционный энтузиазм декабристов объяснялся целым рядом причин. Наиболее образованная часть общества, особенно военная молодежь, считала, что Россия, нанеся поражение Наполеону I, не может больше оставаться средневековой страной с самодержавно-крепостническими порядками. Фактическое наступление политической реакции, отказ от дальнейшей европеизации России привели к резкому росту недовольства в обществе.

Декабристы детально разработали программу коренного переустройства государственной власти. Всех их объединяли общие идеалы и помыслы: непримиримая вражда к крепостничеству и деспотическому царскому режиму, страстное желание установить в стране республиканский или конституционно-монархический строй.

Наиболее радикальные взгляды развивал организатор и глава Южного общества П. И. Пестель. Его политическим идеалом выступала унитарная республика. Впервые республиканские идеалы были всерьез примерены к российским условиям. Являясь убежденным республиканцем, Пестель поставил реализацию идеи республики в зависимость от успехов революционной диктатуры во главе с Временным правительством и диктатором, которые должны были управлять страной в течение переходного периода, десяти—пятнадцати лет, и которые не будут связаны в своих действиях никакими законами. Несомненно, на позицию Пестеля оказали большое влияние выступления Робеспьера и практика якобинской диктатуры.

Более умеренными были взгляды З. М. Муравьева, руководителя Северного общества, который считал наилучшей формой правления для России конституционную монархию, основанную на принципе разделения властей. Монарх становится главой исполнительной власти. Вся его деятельность контролируется представительным органом — Народным вече, которое выбирается на основе цензового избирательного права.

После разгрома восстания декабристов и польского восстания 1830 г. общественно-политическая мысль в России развивалась в условиях николаевской реакции. Ужесточается цензура. Для усиления политического надзора и сыска в 1826 г. создается Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, исполнительным органом которого становится Отдельный корпус жандармов. В эти годы постепенно теряет влияние дворянский либеральный консерватизм. В большинстве своем те, кто ранее выдвигал различные проекты усовершенствования самодержавной монархии, превращаются в откровенных ее защитников (показательна в этом отношении эволюция взглядов П. А. Вяземского). Обсуждение политических вопросов на многие годы перемещается исключительно в светские салоны и студенческие кружки. Доносительство и слежка становятся системой, частью повседневной жизни.

Тем не менее с середины 30-х годов вновь заявляет о себе оппозиционная идеология, происходит дальнейшая дифференциация политических направлений, сложившихся в предшествующие периоды, появляются новые течения и новые имена. Вкратце идейная ситуация в стране может быть представлена следующим образом. В сфере проправительственной мысли самым заметным явлением стало оформление господствующей официальной идеологии. Она была выражена С. С. Уваровым в виде так называемой триединой формулы «православие, самодержавие, народность». «Справа» от нее расположилась идеология и практика полицейского деспотизма, политической реакции и обскурантизма, праворадикального экстремизма (А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, С. А. Бурачек). Примыкали к официальной идеологии (расходясь с ней в отдельных вопросах) религиозно-политическая идеология официальной православной церкви, а также аристократическая идеология.

Суть официальной идеологии заключалась в следующем. Самодержавие является истинно российской формой государственной власти. Оно любимо и почитаемо народом, который боготворит царя за заботу о нем и считает государя истинно народным царем. Сама власть имеет божественное происхождение. Православие определяет моральные качества, весь строй мышления и образ жизни народа. Полная гармония и союз—таков характер связи между самодержавием, православием и народом.

Одним из первых, кто нарушил атмосферу застоя и безмолвия в середине 30-х годов, был П. Я. Чаадаев. За те мысли, которые он высказал в своем первом «Философическом письме», его объявили сумасшедшим. С тех пор, а возможно и раньше, в российской политической истории складывается устойчивая тенденция в

поведении властей: попытаться выдать неугодного инакомыслящего за сумасшедшего. В политическом плане взгляды Чаадаева, который попытался соединить дворянско-аристократическую консервативную позицию с западническими идеями, были признаны не только антипатриотичными, но и антигосударственными. Чаадаев высоко ценил католическую церковь, полагая, что она сохранила истинные заветы Христа и несет в себе объединяющее начало, которое легло в основу западной цивилизации. Напротив, принятие Россией православия от одряхлевшей Византии, считал он, отодвинуло страну на историческую обочину, поставило ее вне истории.

Письмо Чаадаева раскололо общественное сознание. Чаадаевский нигилизм, неумеренное восхваление Запада не были приняты не только защитниками николаевского режима, но и Герценом, Пушкиным, другими мыслителями, критически относившимися к главным порокам тогдашней русской жизни—крепостничеству и самодержавию.

В условиях нерасчлененности и неразвитости общественно-политических течений первых десятилетий XIX в. своего рода объединенным оппозиционным течением «левого» толка выступило так называемое западничество, представлявшее на самом деле общую платформу, на которой по ряду вопросов отношения к Западной Европе объединялись тогдашние прогрессисты, прежде всего либералы и демократы разных оттенков.

Западничество возникает на почве критического отношения к российскому прошлому и настоящему той мыслящей части общества, которая попыталась заново ответить на вопрос об отношении России к западноевропейской науке, просвещению, образованию, государственным институтам власти, новейшим революционным и либеральным взглядам. Видными западниками были Т. Н. Грановский, П. В. Анненков, А. И. Герцен, В. Г. Белинский и др.

Суть позиции западничества заключалась в том, что западноевропейская культура является последним словом мировой общественности. Россия может и должна двинуться вперед, но при условии восприятия ею, в том числе и в политической жизни, результатов европейской мысли, буржуазных форм организации общества.

Более однородным, чем западничество, было славянофильство, но термин «славянофилы» является во многом условным, лишь приблизительно выражающим суть представленного И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым и их единомышленниками оппозиционного по духу консервативного романтизма.

Славянофильство заявило о себе в конце 30-х годов. Две работы — А. С. Хомякова «О старом и новом» и И. В. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову» — стали своеобразным манифестом раннего, классического славянофильства. В них проповедовалась идея существования особого, самобытного пути исторического развития России по сравнению с Европой, говорилось об особом характере поземельной собственности и русской общины.

В концепции раннего славянофильства важное место занимает идея особенности государственного устройства России, которая с наибольшей полнотой была сформулирована К. С. Аксаковым через парные понятия «народ — власть», «земля — государство». Между народом и властью в ходе русской истории сложились особые отношения, не похожие на западные. Русский народ и власть полностью доверяют друг другу, поэтому народ является негосударственным народом, народом, имеющим свое мнение, но сознательно уклоняющимся от участия как в решении политических вопросов, так и в политической жизни в целом.

Славянофильская доктрина имела некоторое сходство с теорией официальной народности в части идеализации монархической власти. Однако последняя не отождествлялась с самодержавным деспотизмом, равно как православное христианство с церковным учением, служившим главной идейной опорой самодержавия. Славянофилы, как и западники, нередко подвергались гонениям, их работы часто

запрещались цензурой. Впрочем, правое крыло славянофильства (самые активные его представители М. П. Погодин

и С. П. Шевырев) фактически смыкалось по ряду позиций с официальной идеологией.

В 40-е годы происходит размежевание между либеральным западничеством (В. П. Боткин, П. В. Анненков, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин) и его радикальным, революционно-демократическим крылом (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. А. Бакунин), которые тем не менее остаются едиными в своей критике официальной идеологии самодержавия. Борьба между защитниками и критиками самодержавия приобретала нередко острый и драматический характер, а порою заканчивалась настоящими человеческими трагедиями.

Николаевский режим не давал возможности для сколько-нибудь свободного обсуждения животрепещущих социальных и политических проблем. Поэтому многие из них обсуждались в иносказательной манере или как бы мимоходом, без углубления в детали. То же самое можно сказать об обсуждении на страницах отечественных журналов идей утопического и христианского социализма, европейского (особенно французского и английского) либерализма, немецких политико-правовых учений. Поэтому большой интерес для понимания особенностей российской политической мысли тех лет представляют переписка и дневники современников.

1848 год — год буржуазных революций на Западе, которые привели к еще большему ужесточению порядков в России. В сложном положении оказывается западничество. Высказывание радикально-демократических идей ставится под полный запрет, не допускается даже в частной переписке. Деятели этого направления к тому времени либо уходят из жизни (В. Г. Белинский), либо оказываются за рубежом (А. И. Герцен, М. А. Бакунин) или за решеткой (М. В. Буташевич-Петрашевский). Либеральные западники надолго замыкаются в себе, испытывая при этом, как правило, глубокий идейный кризис (Т. Н. Грановский).

Впрочем, такой же кризис испытывают и многие революционные демократы, уехавшие на Запад. Так, А. И. Герцен с негодованием пишет о николаевской России как о первом жандарме вселенной. Царизм властвует, чтобы властвовать, — и только. Громадные силы используются для сохранения, консервации существующего строя. Но, с другой стороны, Герцен разочарован и результатами буржуазных революций во Франции, а также в других европейских странах. Государственные формы правления в них, парламенты и конституции оказываются не совместимыми по своему внутреннему смыслу ни со свободой, ни с равенством, ни с братством.

Герценовские идеи о крестьянской социальной революции и «русском социализме», несущих с собой действительное и полное освобождение страны от крепостного права, явились наивысшим завоеванием радикальной политической мысли в России к середине XIX в. Им была созвучна и позиция раннего М. А. Бакунина, страстно желавшего и революции, и республики. Но поскольку условий для революционного обновления России в конце 40-х — начале 50-х годов не было, то все рассуждения о возможной форме государственного устройства не отличались конкретностью.

В политических трактатах первой половины XIX в. большое место занимали внешнеполитическая и военно-политическая проблема гика, анализ причин возникновения войн в Европе. Много говорилось об идее патриотизма, которая получала разные интерпретации — от патриотизма державного и «квасного» до просвещенного и разумного. Подчеркивалась особая роль, которую играла Россия в европейских делах и которая в зависимости от идейных позиций писавшего также трактовалась весьма широко — от жандарма Европы до гаранта стабильности европейских порядков. Любопытно, что уже тогда, в середине XIX в., обсуждался вопрос о связи войны с революцией — связи, реализованной впоследствии в годы франко-прусской войны 1870—1871 гг., а затем — в еще больших масштабах — во время первой мировой войны.

В феврале 1855 г. умер Николай I. Бесславный для России конец Крымской войны выявил всю глубину экономического, социального и политического кризиса, охватившего страну. Реформы Александра II открыли новую страницу в истории Российского государства, в том числе в развитии политической мысли. Именно после 1861 г. политическая мысль в России делает решающий шаг вперед с точки зрения возвышения до уровня политической теории.

В. Ф. Пустарнаков. В. Н. Шевченко * * *

Составители частей тома и авторы преамбул к содержащимся в них текстам: I часть — В. Ф. Пустарнаков; II часть — В. Ф. Пустарнаков, А. С. Фалина, В. Н. Шевченко; III часть — В. Н. Шевченко.

Отдельные тексты подобраны В. А. Кулинченко и А. В. Понедельниковым.

Научно-организационная работа выполнена О. И. Годеевой.

С полным электронным вариантом «Антологии»
можно познакомиться в помещении
учебно-методической лаборатории философского факультета
«Берестяная грамота»
(Антоново, Новый корпус, ауд. 317, тел. 66-59-08, доб. 248)